

УДК 343.7

DOI: 10.34670/AR.2026.64.65.061

Легализация (отмывание) денежных средств, приобретенных преступным путем, через криптовалюты (ст. 174, 174.1 УК РФ)

Евсеев Александр Дмитриевич

Аспирант,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: Evseev@mail.ru

Евсеев Филипп Дмитриевич

Студент,
факультет социальных наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: Evseev@mail.ru

Мамонов Павел Александрович

Студент,
факультет права,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: Evseev@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются уголовно-правовые и доказательственные проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, осуществляемой с использованием криптовалюты. Цель исследования состоит в уточнении места цифровой валюты в предмете преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, а также в выявлении критериев отграничения легализации от иных форм распоряжения преступным доходом. Особое внимание уделяется специальной цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом, особенностям операций по конвертации цифровой валюты в рубли, использованию подставных банковских карт, а также проблемам установления размера и доказывания преступного происхождения актива. На основе действующего законодательства, разъяснений Верховного Суда РФ, актуальной судебной практики и современной научной литературы делается вывод о том, что криптовалюта может выступать предметом легализации как иное имущество, однако для вменения статей 174 и 174.1 УК РФ решающее значение имеет не сам факт обращения цифровой валюты, а установление комплекса финансовых операций, маскирующих преступный источник актива и

направленных на его последующее внешне легальное использование. Обосновывается необходимость дальнейшей конкретизации подходов к оценке специальной цели, определению стоимости цифровой валюты и фиксации цифровых доказательств.

Для цитирования в научных исследованиях

Евсеев А.Д., Евсеев Ф.Д., Мамонов П.А. Легализация (отмывание) денежных средств, приобретенных преступным путем, через криптовалюты (ст. 174, 174.1 УК РФ) // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 540-550. DOI: 10.34670/AR.2026.64.65.061

Ключевые слова

Легализация преступных доходов, отмывание денег, цифровая валюта, криптовалюта, иное имущество, ст. 174 УК РФ, ст. 174.1 УК РФ, доказывание, судебная практика, финансовый мониторинг, методология исследования.

Введение

Цифровизация имущественного оборота изменила не только формы законной экономической деятельности, но и способы сокрытия преступных доходов. Если для классических схем легализации были характерны многоступенчатые банковские переводы, фиктивные договоры, использование фирм-однодневок и подставных лиц, то в цифровой среде значительную роль начинают играть операции с виртуальными активами, позволяющие быстро перемещать стоимость между юрисдикциями, сочетать анонимизированные сервисы с формально законными финансовыми инструментами и разрывать очевидную связь между предикатным преступлением и последующим использованием дохода. [UNODC, 2024; Almeida, Pinto, Fernández Vilas, 2023]

Для российского уголовного права проблема имеет двойственный характер. С одной стороны, диспозиции статей 174 и 174.1 УК РФ сформулированы технологически нейтрально и охватывают денежные средства или иное имущество, что позволяет адаптировать их к новым объектам имущественного оборота. [Уголовный кодекс РФ, 1996] С другой стороны, появление цифровой валюты обострило вопросы о предмете легализации, о содержании финансовой операции в цифровой среде, о критериях разграничения собственно легализации и простого извлечения выгоды из предикатного преступления, а также о допустимых способах доказывания принадлежности криптокошелька, маршрута движения активов и специальной цели придания правомерного вида их владению и распоряжению. [Veklenko, Akiev, 2022; Васильева, Милованова, 2024]

Научная литература последних лет показывает, что наибольшие трудности вызывает не формальное признание цифровой валюты объектом имущественного характера, а именно доказывание уголовно-правовой значимости конкретных действий с ней. В центре дискуссии находятся вопросы о пределах расширительного толкования признака «иное имущество», об оценке конвертации криптовалюты в фиатные средства, об установлении размера легализуемого актива и о соотношении статей 174 и 174.1 УК РФ с иными составами в сфере незаконного оборота имущества. [Arzamastsev, 2022; Гладкова, 2023]

Цель настоящей статьи заключается в выработке более точных критериев квалификации легализации преступных доходов через криптовалюту с учетом действующего

законодательства, судебной практики и современных научных подходов. Для достижения этой цели необходимо: разграничить составы, предусмотренные статьями 174 и 174.1 УК РФ; определить значение цифровой валюты как предмета легализации; показать, какие операции с криптоактивами могут приобретать уголовно-правовое значение; раскрыть основные проблемы доказывания; проанализировать новейшие ориентиры Верховного Суда РФ и международные стандарты противодействия отмыванию доходов.

Разграничение статей 174 и 174.1 УК РФ в условиях цифрового оборота

Статьи 174 и 174.1 УК РФ имеют общий непосредственный объект, связанный с обеспечением законности имущественного и финансового оборота, однако различаются по источнику происхождения имущества и по роли субъекта. В первом случае лицо совершает финансовые операции или иные сделки с имуществом, заведомо приобретенным преступным путем другими лицами; во втором — легализует имущество, приобретенное в результате совершения собственного преступления. [Уголовный кодекс РФ, 1996] Такое разграничение сохраняет значение и применительно к цифровым активам: сама по себе криптовалютная форма не меняет конструкцию состава, но усложняет установление того, кем именно получено имущество и на какой стадии поведения возникает специальная цель легализации.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32, действующее с учетом последующих изменений, сохраняет ключевое значение для квалификации и в цифровой среде. Из его разъяснений следует, что уголовная ответственность наступает не за любой оборот имущества преступного происхождения, а за совершение финансовой операции или сделки со специальной целью — придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению таким имуществом. [Постановление Пленума ВС РФ № 32, 2015] Следовательно, в центре анализа находится именно направленность действий виновного. Использование сложной технологической оболочки — криптокошельков, обменников, P2P-платформ, банковских карт третьих лиц — само по себе еще не подменяет доказывания субъективной стороны, но может выступать существенным индикатором маскировки происхождения актива.

Для правоприменения особенно важно положение Пленума о том, что не образует легализации простое распоряжение средствами в целях личного потребления, если отсутствует цель придания правомерного вида преступному доходу. [Постановление Пленума ВС РФ № 32, 2015] В делах, связанных с цифровой валютой, именно здесь проходит одна из самых спорных границ. Конвертация криптовалюты в рубли может рассматриваться либо как технический этап пользования доходом, либо как элемент многоступенчатой схемы сокрытия его происхождения. Поэтому ключевое значение приобретают совокупность операций, использование чужой инфраструктуры, характер движения средств, фиктивность посредников и временная связь с предикатным преступлением.

В научной литературе обоснованно отмечается, что проблемы квалификации по статьям 174 и 174.1 УК РФ во многом связаны со спецификой субъекта, сложностью оценки соучастия и необходимостью более последовательной унификации конструкции составов. [Veklenko, Akiev, 2022] В цифровой сфере эти трудности только усиливаются: роли организатора, фактического получателя доступа к кошельку, оператора обмена и номинального держателя банковской карты нередко распределяются между несколькими лицами, что требует более тщательного доказывания как объективной стороны, так и формы участия каждого из них.

Цифровая валюта как предмет легализации: пределы уголовно-правового подхода

Вопрос о том, может ли криптовалюта рассматриваться как предмет преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, в настоящее время в целом решается положительно, однако аргументация такого вывода требует точности. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных, которые могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства или международной расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций, при отсутствии лица, обязанного перед каждым обладателем таких данных. [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2020] Уже из этого определения следует, что законодатель рассматривает цифровую валюту не как технический феномен, а как самостоятельный имущественный объект.

Для уголовно-правовых целей принципиально важно, что статьи 174 и 174.1 УК РФ используют открытое по своему объему понятие «иное имущество». Такая конструкция позволяет включать в предмет легализации не только традиционные вещи, безналичные денежные средства и имущественные права, но и новые объекты цифрового имущественного оборота, если они обладают экономической ценностью, способны принадлежать определенному лицу и быть объектом фактического контроля. [Arzamastsev, 2022] Именно поэтому цифровая валюта, полученная в результате предикатного преступления, может рассматриваться как имущество, последующие операции с которым подлежат уголовно-правовой оценке на общих основаниях.

Вместе с тем недопустимо подменять этот вывод чрезмерно широкими утверждениями. Закон № 259-ФЗ не приравнивает цифровую валюту к законному средству платежа в Российской Федерации; напротив, его статья 14 содержит существенные ограничения ее обращения. Для российских лиц установлен запрет принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за товары, работы или услуги; судебная защита требований, связанных с обладанием цифровой валютой, ставится в зависимость от информирования о соответствующих фактах в порядке налогового законодательства; кроме того, запрещается распространение информации о принятии цифровой валюты в качестве оплаты в случаях, предусмотренных законом. [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2020] Эти положения не означают автоматической криминализации любых расчетов в цифровой валюте по статьям 174 или 174.1 УК РФ, однако показывают, что законодатель осознает повышенные риски непрозрачного оборота таких активов и не рассматривает их как нейтральный аналог обычных денежных средств.

В современной доктрине высказывается заслуживающая внимания позиция, согласно которой для целей статей 174 и 174.1 УК РФ цифровая валюта должна квалифицироваться как «иное имущество», а ее отчуждение — как сделка либо финансовая операция в зависимости от содержания конкретных действий. [Arzamastsev, 2022] Практическое значение этого подхода состоит в том, что он позволяет отойти от устаревшего противопоставления «материального» и «нематериального» и сосредоточиться на тех признаках, которые действительно важны для легализации: наличии преступного источника, контроле над активом, экономической ценности, способности к обороту и возможности использования для сокрытия происхождения дохода.

Отдельно необходимо отметить проблему определения размера легализуемого имущества. Волатильность криптовалюты усложняет применение квалифицирующих признаков крупного

и особо крупного размера. В науке уже обращается внимание на то, что стоимость цифровой валюты целесообразно устанавливать не произвольно и не по цене, сложившейся на момент выявления преступления, а с учетом той стадии, на которой актив был вовлечен в соответствующую схему легализации. [Arzamastsev, 2022] Иначе размер будет зависеть не от фактического содержания деяния, а от внешних колебаний курса, не связанных с волей виновного.

Криптовалютные операции как способ придания правомерного вида преступному доходу

Криптовалюта используется в схемах легализации не потому, что сама по себе гарантирует анонимность, а потому, что позволяет выстраивать последовательность операций, затрудняющих идентификацию происхождения актива и фактического контролирующего лица. С этой точки зрения наиболее типичны несколько моделей.

Во-первых, преступный доход первоначально аккумулируется в цифровой валюте. Такая ситуация особенно характерна для незаконного оборота наркотиков, кибермошенничества, вымогательства, неправомерного доступа к компьютерной информации и иных деяний, совершаемых с использованием сетевой инфраструктуры. Уже на этой стадии цифровая оболочка дохода затрудняет его привязку к конкретному субъекту, однако еще не всегда образует легализацию: необходимо установить, что дальнейшие действия были направлены не просто на получение выгоды, а на маскировку преступного источника. [Almeida, Pinto, Fernández Vilas, 2023]

Во-вторых, применяются операции «расслоения»: последовательные переводы между кошельками, использование нескольких обменных сервисов, дробление сумм, временное хранение актива на адресах, контроль над которыми скрыт через третьих лиц, а также перевод стоимости в иные формы цифровых активов. В международных аналитических материалах подчеркивается, что именно комбинация цифровых кошельков, P2P-платформ, ОТС-посредников и сервисов с недостаточной идентификацией пользователей создает устойчивую среду для затруднения расследования и трансграничного перемещения стоимости. [UNODC, 2024]

В-третьих, на завершающей стадии происходит вывод стоимости в фиатную форму: через виртуальные обменники, переводы на банковские карты номинальных держателей, снятие наличных, оплату имущества или услуг через подставных лиц. С уголовно-правовой точки зрения именно этот этап чаще всего приобретает самостоятельное значение, поскольку он способен создать внешнюю видимость законного происхождения денежных средств и разорвать очевидную связь между предикатным преступлением и последующим экономическим использованием результата.

В этой связи следует подчеркнуть, что далеко не каждая конвертация цифровой валюты в рубли должна автоматически квалифицироваться как легализация. Если лицо, например, сразу расходует преступный доход на личные нужды без сложной системы сокрытия источника, вопрос о наличии специальной цели остается дискуссионным и должен решаться с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. [Постановление Пленума ВС РФ № 32, 2015] Иное дело, когда конвертация сопровождается сознательным использованием подставных банковских карт, электронных средств платежа, чужих аккаунтов, серий виртуальных обменников и иных инструментов, объективно рассчитанных на маскировку происхождения средств.

Таким образом, криптовалютная специфика не отменяет общей конструкции отмывания доходов, а лишь придает ей новые технологические формы. Юридически значима не абстрактная «цифровая природа» актива, а совокупность операций, позволяющая придать преступному доходу внешние признаки имущественной легальности.

Проблемы квалификации и доказывания

На практике наибольшие трудности вызывает установление трех взаимосвязанных обстоятельств: преступного происхождения цифровой валюты, ее принадлежности конкретному лицу и специальной цели совершенных операций. Именно здесь сосредоточен основной массив ошибок предварительного расследования и судебной оценки.

Первая проблема связана с доказыванием происхождения цифрового актива. В отличие от традиционных банковских операций, в публичном блокчейне обычно фиксируется движение адресов, а не имена владельцев. Поэтому для правоприменителя недостаточно показать сам факт поступления криптовалюты на определенный адрес. Требуется доказать контроль лица над кошельком, связь этого кошелька с конкретной преступной деятельностью, а также непрерывность цепочки движения актива от предикатного деяния к тем операциям, которые рассматриваются как легализующие. Для этого используются данные переписки, содержимое устройств, seed-фразы, логины и пароли, история входов в аккаунты, записи обменных операций, банковские выписки и заключения специалистов либо экспертов. [Turner, Uhlmann, McCombie, 2020; Васильева, Милованова, 2024]

Вторая проблема касается специальной цели придания правомерного вида. В делах о цифровой валюте защита нередко настаивает на том, что обмен криптовалюты на рубли был продиктован только желанием воспользоваться доходом, а не легализовать его. Поэтому особую доказательственную ценность приобретают признаки, свидетельствующие о намеренной маскировке: использование банковских карт на имя лиц, не осведомленных о преступном происхождении средств; дробление переводов; совпадение времени операций с эпизодами предикатного преступления; отсутствие у обвиняемого легальных источников соответствующего дохода; фиксация попыток скрыть цифровые следы; использование нескольких последовательных посредников без разумной экономической необходимости. [Постановление Пленума ВС РФ № 32, 2015; Кассационное определение ВС РФ № 53-УДП24-23-К8, 2024; Кассационное определение ВС РФ № 6-УДП23-6-А1, 2023]

Третья проблема состоит в определении стоимости легализуемого имущества. Для целей квалификации необходимо установить размер именно того имущества, которое стало предметом финансовых операций или сделок. Однако курс криптовалюты может существенно меняться за короткий период. При отсутствии единообразной законодательной модели правоприменитель вынужден выбирать между стоимостью на момент получения цифровой валюты, на момент совершения обменной операции и на момент изъятия либо исследования доказательств. Представляется, что приоритет должен отдаваться той дате, которая непосредственно связана с вменяемой операцией по легализации, поскольку именно она отражает реальное экономическое содержание деяния. [Arzamastsev, 2022]

Четвертая проблема имеет процессуальный характер и связана с качеством фиксации цифровых доказательств. Неправильное изъятие аппаратного кошелька, утрата доступа к двухфакторной аутентификации, отсутствие надлежащего протоколирования действий по копированию данных, неучастие специалиста при осмотре устройства — все это способно не только снизить доказательственную силу собранных материалов, но и сделать невозможным

дальнейшее отслеживание актива. Поэтому расследование подобных дел требует сочетания уголовно-правовой оценки с криминалистическими методиками работы в цифровой среде. [Васильева, Милованова, 2024]

Ориентиры новейшей судебной практики Верховного Суда РФ

Особую ценность для правоприменения имеют новейшие акты Верховного Суда РФ, в которых дана оценка операциям по конвертации биткоина, переводу денежных средств на карты третьих лиц и последующему обналичиванию.

В определении от 16 июля 2024 г. по делу Окуневой Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что лицо, получавшее вознаграждение за сбыт наркотических средств в биткоинах, конвертировало их через виртуальные обменники в рубли, переводило на банковские карты, зарегистрированные на иных лиц, и затем обналичивало средства. Оправдание по статье 174.1 УК РФ было отменено, поскольку нижестоящие суды не дали надлежащей оценки доказательствам, указывавшим на использование именно такой схемы маскировки преступного происхождения дохода. [Кассационное определение ВС РФ № 53-УДП24-23-К8, 2024] Для рассматриваемой темы принципиален вывод о том, что цепочка операций с цифровой валютой и дальнейшим фиатным выводом может рассматриваться как легализация и без дополнительного доказательства последующего вложения средств в формально законный хозяйственный оборот, если сами операции уже были направлены на сокрытие преступного источника.

Аналогичный подход прослеживается в кассационном определении Верховного Суда РФ от 8 июня 2023 г. по делу Крюкова-Челышкина. Суд указал, что последовательность действий по получению биткоинов, их конвертации в рубли через виртуальные обменники, переводу средств на счета и карты, открытые на имя иного лица, и последующему обналичиванию не может оцениваться формально как простое извлечение выгоды из предикатного преступления. Ошибка нижестоящих инстанций состояла в том, что они фактически связали наличие состава статьи 174.1 УК РФ с обязательным введением средств в «экономический оборот», тогда как разъяснения Пленума Верховного Суда РФ такого требования не содержат. [Кассационное определение ВС РФ № 6-УДП23-6-А1, 2023]

Эти судебные акты не устраняют всех спорных вопросов, но задают важный ориентир: для квалификации легализации через цифровую валюту суд оценивает прежде всего не техническую новизну инструмента, а направленность всей совокупности операций на разрыв связи между преступным источником средств и их последующим использованием. Отсюда вытекает и практический вывод: в обвинении по таким делам необходимо показывать не отдельную разовую конвертацию, а завершённую схему маскировки с указанием ее этапов, участников и подтверждающих доказательств.

Международные стандарты и трансграничный аспект расследования

Криптовалютные схемы легализации редко укладываются в пределы одной национальной юрисдикции. Именно поэтому российская практика должна учитывать международные стандарты, выработанные в сфере противодействия отмыванию доходов.

Конвенция Совета Европы 1990 г. об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности сохраняет значение как базовый международно-правовой

ориентир. Ее положения о широком понимании доходов и имущества, о конфискации эквивалентной стоимости, о розыске, замораживании активов и о взаимной правовой помощи позволяют распространить соответствующие механизмы и на новые формы имущественной стоимости, включая цифровые активы. [Конвенция Совета Европы, 1990] Для дел о легализации через криптовалюту особенно важны положения о сотрудничестве компетентных органов, доступе к финансовой информации и возможности принятия предварительных обеспечительных мер.

Международные аналитические материалы последних лет подтверждают, что цифровые активы усиливают транснациональный характер преступных финансовых потоков. По данным UNODC, особые риски создают сочетание P2P-переводов, сервисов с неполной идентификацией пользователей, OTC-посредников, nested VASP-моделей и инструментов, облегчающих сокрытие цепочки движения средств. [UNODC, 2024] Это означает, что расследование дел о легализации через криптовалюту требует не только локальной фиксации доказательств, но и оперативного обмена информацией между финансовой разведкой, следственными органами, регуляторами и зарубежными платформами.

С международной точки зрения сохраняет значение и внедрение стандартов FATF в отношении виртуальных активов и поставщиков услуг, связанных с ними. В материалах FATF и связанных с ними обзорах постоянно подчеркиваются риски, исходящие от P2P-сегмента, децентрализованных финансовых сервисов и неполного исполнения так называемого Travel Rule, предусматривающего передачу идентифицирующей информации при переводах виртуальных активов. [FATF, 2023] Для национального правоприменения это означает, что уголовно-правовая оценка должна быть дополнена развитием процедур финансового мониторинга, международного обмена сведениями и единых стандартов обращения с цифровыми доказательствами.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько итоговых положений.

Во-первых, цифровая валюта может выступать предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, как иное имущество. Такой вывод вытекает из открытой конструкции диспозиций уголовного закона и из легального определения цифровой валюты, закрепленного в Федеральном законе № 259-ФЗ. Вместе с тем признание криптовалюты имущественным объектом не означает автоматического вменения легализации при любой операции с ней.

Во-вторых, решающим признаком составов, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, остается специальная цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом преступного происхождения. Поэтому уголовно-правовую оценку должны получать не абстрактные цифровые транзакции, а конкретные схемы, в которых конвертация криптовалюты, перевод на подставные карты, использование чужих счетов, дробление сумм и обналичивание образуют единую систему маскировки преступного источника дохода.

В-третьих, новейшая практика Верховного Суда РФ показывает, что последовательная конвертация биткоина в рубли через виртуальные обменники с использованием карт третьих лиц и последующим снятием наличных способна образовывать состав статьи 174.1 УК РФ и без

дополнительного доказывания последующего вложения средств в формально легальный хозяйственный оборот. Тем самым акцент переносится на функциональное значение самих операций как способа сокрытия происхождения имущества.

В-четвертых, основная сложность правоприменения в делах данной категории носит доказательственный характер. Требуется установить связь криптокошелька с конкретным лицом, преступное происхождение цифрового актива, последовательность его движения, экономическое содержание каждой операции и наличие специальной цели. Это требует более активного использования специальных знаний, единых правил фиксации цифровых доказательств и более тесного взаимодействия следственных органов с подразделениями финансовой разведки.

В-пятых, дальнейшее совершенствование правоприменения целесообразно связать с тремя направлениями: 1) дополнительной конкретизацией на уровне судебных разъяснений критериев разграничения личного потребления и легализации применительно к цифровой валюте; 2) выработкой единых подходов к определению размера легализуемого криптоактива; 3) усилением международного сотрудничества по линии розыска, замораживания и конфискации цифровых активов. Только при сочетании уголовно-правовой точности, криминалистической компетентности и межгосударственной координации можно обеспечить адекватное противодействие легализации преступных доходов в цифровой среде.

Библиография

1. Васильева О.Н., Милованова М.М. Особенности установления и доказывания легализации (отмывания) денежных средств с использованием криптовалют. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=58900024> .
2. Гладкова С.Б. Новые инструменты легализации теневых доходов в условиях цифровизации экономики: криптовалюта и цифровой рубль. 2023. URL: <https://econom-inform-journal.ru/index.php/journal/article/view/280> .
3. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 08.06.2023 по делу № 6-УДП23-6-А1 // Банк судебных документов Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2254988 .
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.07.2024 по делу № 53-УДП24-23-К8 // Банк судебных документов Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2389992 .
5. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбург, 08.11.1990). URL: <https://rm.coe.int/168007bd4a> .
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». URL: <https://base.garant.ru/71119624/> .
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> .
8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310056> .
9. Almeida H., Pinto P., Fernández Vilas A. A Review on Cryptocurrency Transaction Methods for Money Laundering. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2311.17203> .
10. Arzamastsev M. Digital Currency as Legalizable Property. URL: <https://jrp.jes.su/s1605-65900000622-5-1-ru-352/>
11. Standards on Virtual Assets and VASPs. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-update-virtual-assets-vasps.html> .
12. Turner A., Uhlmann A.J., McCombie S. Analysis Techniques for Illicit Bitcoin Transactions. 2020. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomp.2020.600596/pdf> .
13. UNODC. Transnational Organized Crime and the Convergence of Cyber-Enabled Fraud, Underground Banking and Technological Innovation. 2024. URL: https://www.unodc.org/roseap/uploads/documents/Publications/2024/TOC_Convergence_Report_2024.pdf .
14. Veklenko V., Akiev A. Problems of qualifying legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal way (Articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). 2022. URL: <http://vestnikspbmvdr.ru/en/nauka/article/55831/view>

Legalization (Laundering) of Criminally Acquired Funds through Cryptocurrencies (Art. 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Aleksandr D. Evseev

Postgraduate Student,
National Research University "Higher School of Economics",
101000, 20, Myasnitckaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Evseev@mail.ru

Filipp D. Evseev

Student,
Faculty of Social Sciences,
National Research University "Higher School of Economics",
101000, 20, Myasnitckaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Evseev@mail.ru

Pavel A. Mamonov

Student,
Faculty of Law,
National Research University "Higher School of Economics",
101000, 20, Myasnitckaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Evseev@mail.ru

Abstract

The article examines the criminal law and evidentiary problems of qualifying the legalization (laundering) of funds or other property carried out using cryptocurrency. The objective of the research is to clarify the place of digital currency in the subject of crimes provided for by Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as to identify the criteria for distinguishing legalization from other forms of disposing of criminal proceeds. Special attention is paid to the special purpose of giving a lawful appearance to the possession, use, and disposal of property, the peculiarities of operations for converting digital currency into rubles, the use of front bank cards, as well as the problems of establishing the amount and proving the criminal origin of the asset. On the basis of current legislation, clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, relevant judicial practice, and modern scientific literature, a conclusion is drawn that cryptocurrency can act as the subject of legalization as other property; however, for imputing Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is not the very fact of digital currency circulation that is of decisive importance, but the establishment of a set of financial operations masking the criminal source of the asset and aimed at its subsequent outwardly legal use. The necessity of further concretizing approaches to assessing the special purpose, determining the value of digital currency, and recording digital evidence is substantiated.

For citation

Evseev A.D., Evseev F.D., Mamonov P.A. (2026) Legalizatsiya (otmyvanie) denezhnykh sredstv, priobretennykh prestupnym putem, cherez kriptovalyuty (st. 174, 174.1 UK RF) [Legalization (Laundering) of Criminally Acquired Funds through Cryptocurrencies (Art. 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 540-550. DOI: 10.34670/AR.2026.64.65.061

Keywords

Legalization of criminal proceeds, money laundering, digital currency, cryptocurrency, other property, Art. 174 of the Criminal Code of the Russian Federation, Art. 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, proving, judicial practice, financial monitoring, research methodology.

References

1. Almeida, H., Pinto, P., & Fernández Vilas, A. (2023). A review on cryptocurrency transaction methods for money laundering. arXiv. <https://arxiv.org/abs/2311.17203>
2. Arzamastsev, M. (2022). Digital currency as legalizable property. *Journal of Russian Law*. <https://jrp.jes.su/s1605-65900000622-5-1-ru-352/>
3. Council of Europe. (1990). Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime. <https://rm.coe.int/168007bd4a>
4. FATF. (2023). Targeted update on implementation of the FATF standards on virtual assets and VASPs. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/targeted-update-virtual-assets-vasps.html>
5. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation." (2020). <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310056>
6. Gladkova, S. B. (2023). Novye instrumenty legalizatsii tenevykh dokhodov v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki: kriptovalyuta i tsifrovoy rubl' [New tools for the legalization of shadow incomes in the context of the digitalization of the economy: Cryptocurrency and the digital ruble]. *Econom-Inform Journal*. <https://econom-inform-journal.ru/index.php/journal/article/view/280>
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 32 of July 7, 2015 "On Judicial Practice in Cases of the Legalization (Laundering) of Funds or Other Property Acquired by Criminal Means..." (2015). <https://base.garant.ru/71119624/>
8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of June 8, 2023 in case No. 6-UDP23-6-A1. (2023). Bank of Judicial Documents of the Supreme Court of the Russian Federation. https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2254988
9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of July 16, 2024 in case No. 53-UDP24-23-K8. (2024). Bank of Judicial Documents of the Supreme Court of the Russian Federation. https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2389992
10. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996. (1996). <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891>
11. Turner, A., Uhlmann, A. J., & McCombie, S. (2020). Analysis techniques for illicit Bitcoin transactions. *Frontiers in Computer Science*. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fcomp.2020.600596/pdf>
12. UNODC. (2024). Transnational organized crime and the convergence of cyber-enabled fraud, underground banking and technological innovation. https://www.unodc.org/roseap/uploads/documents/Publications/2024/TOC_Convergence.pdf
13. Vasilyeva, O. N., & Milovanova, M. M. (2024). Osobennosti ustanovleniya i dokazyvaniya legalizatsii (otmyvaniya) denezhnykh sredstv s ispol'zovaniem kriptovalyut [Features of establishing and proving the legalization (laundering) of funds using cryptocurrencies]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=58900024>
14. Veklenko, V., & Akiev, A. (2022). Problems of qualifying legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal way (Articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. <http://vestnikspbmvd.ru/en/nauka/article/55831/view>